

Борис Петрович Вышеславцев (1877—1954), профессор Московского университета, в 1922 году был выслан за границу в числе других философов и деятелей культуры. Его основные труды: «Этика Фихте», «Этика преображенного эроса», «Сердце в христианской и индийской мистике», «Вечное в русской философии». Читателю, полагаем, будет интересно познакомиться с критикой той догматизированной формы марксизма, которая лежала в основе всего гуманистического образования в нашей и ряде других стран.

Анализ хорошо известных положений ведется не с религиозных или политических, а с чисто философских позиций. «Философская нищета марксизма» написана в конце Второй мировой войны. Публикуется в нашей стране впервые с весьма незначительными сокращениями, отмеченными в тексте скобками.

Б. П. Вышеславцев

ФИЛОСОФСКАЯ НИЩЕТА МАРКСИЗМА

Введение

Настоящая критика имеет в виду его миросозерцание, которое обязаны исповедовать и проповедовать все подданные советского государства и все члены коммунистических партий во всем мире, ему подчиненные. Оно выражено в сжатой и точной форме догматического катехизиса марксизма, составляющего центральную главу истории ВКП(б). Мы не критикуем здесь других форм марксизма и социал-демократии, полагая, что центром внимания должен оставаться тот «марксизм», который действует в мире, диктует свою идеологию массам и при ее помощи осуществляет свой коммунистический империализм. Конечно, в этом катехизисе содержится не вся догма марксизма и не все ее истолкования, но едва ли кто найдет в ней хоть одно утверждение, которое не повторяло бы высказываний Маркса или Энгельса. Если что наиболее чуждо марксизму, то это прежде всего подлинное диалектическое развитие. Около ста лет марксизм толчется на своем тезисе и никак не может перейти к антитезису. Миросозерцание марксизма, воспроизводимое диалектикой, всецело относится к прошлому веку. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не подозревали современных открытий в области физики и психологии: современная научно-философская диалектика говорит свое «нет» старому понятию материи и старой психологии сознания, на которых ориентировался марксизм. Все философские проблемы теперь ставятся иначе, чем во времена Маркса и Энгельса. Марксизм их просто не понимает: для него не существовало и не существует проблемы детерминизма и индетерминизма в физике, проблемы сознания и бессознательного в психологии, проблемы свободы и необходимости в этике и, наконец, новейшей фундаментальной философской проблемы ценности. В сущности, для него не существует вообще, никаких проблем, ибо все принципиально решено и он утверждает свое тоталитарное знание. А так как наука и философия есть всегда диалектическое движение, сомнение, научное незнание, для которого бытие есть всегда задача со многими неизвестными, то догма марксизма и катехизиса диалектики не есть *ни наука, ни философия*.

Марксизм есть классовая идеология, и это признается его собственной доктриной. Такая идеология есть прямая противоположность науке и философии. Она есть коллективная психологическая мобилизация для целей борьбы, завоевания, покорения и властвования. Она не идет в сущности никакого миросозерцания, ибо не хочет ничего «созерцать» и ничего «искать»: она нашла средство внушать, пропагандировать, психически властвовать, вести массы. Демагогическую

идеологию мы наблюдаем в формах нацизма, фашизма и коммунизма. Эта идеология не терпит никакой диалектики, не признает никакого диалога, она признает только монолог, диктат, диктатуру. Эта идеология может брать любую идею из свободной философии, но ее идея всегда обращается в «идеократию», т. е. в диктатуру идей, в инквизицию. Метод идеологии во всем противоположен методу науки и философии: она не терпит научного незнания, не допускает сомнения, не признает ничего неясного и нерешенного, не любит самостоятельной мысли и говорит; «ты не думай — вожди за тебя подумали». Идеи практического и метафизического материализма при этом особенно удобны для овладения массовой психологией пролетариата, и не одного только пролетариата, но и массового человека вообще. Материализм есть самая примитивная, легкая и общедоступная философия: вера в вещи, в тела, в материальные блага, как в единственную реальность. Если материя есть низшая и простейшая ступень бытия, то материализм есть низшая и простейшая ступень философии.

Поэтому критика материализма всегда труднее самого материализма, ибо она требует поднятия на более высокую ступень мысли, требует как бы перехода от простой арифметики к дифференциальному исчислению. В нашей критике мы показываем этот переход к высшему, никогда не ограничиваясь простым отрицанием низшего. К какому читателю мы обращаемся? Прежде всего, конечно, к такому, который хочет и способен думать сам, который представляет собою личность и не растворился в коллективную безличность, обработанную демагогической идеологией; далее к такому, который понимает, что существуют другие научные и философские решения, что существует традиция русской философии, связанная с великой традицией мировой философии, что вне железного занавеса, на свободе, продолжается свободный диалог философов и ученых.

Марксизм диамата есть идеологическая демагогия. То, что способно противостоять ей, есть демократическая свобода. Только она диалектична, признает диалог, разговор («парламент» и означает разговор), признает оппозицию, т. е. постоянную свободу сказать «нет», а не только обязанность говорить «да»; свободу тезиса и антитезиса, дабы найти синтез, дабы сговориться и договориться. Только она признает свободу мысли, совести и слова и не предписывает никакого мирозерцания, никакой обязательной «идеологии». Демократическая свобода утверждает тот же метод свободного диалога, свободного спора, каким всегда пользовались наука и философия в своем свободном развитии. В этом смысле она научно оправдана. Классическая философия права в сущности, потому и обосновывала либеральной демократическое государство на идее свободного соглашения (договора), что считала это прямым выводом который лежит в основе всякого научного, философского и этического мышления и искания.

«Нищетою философии» назвал Маркс свое сочинение против Прудона. Заглавие удивительно удачно характеризует самого Маркса, мы читаем: «Нищета философии Карла Маркса».

1. Диалектический принцип

Чтобы критиковать марксизм, нужно вести с ним диалог, выслушивать его утверждения и ставить возражения; но чтобы вести диалог, надо иметь общий язык. И вот, прежде всего может представиться, что общего языка с марксизмом для современной философии и науки вообще не существует. Язык «материализма» никогда не имел в философии большого значения, а язык партийной агитации и вульгарной пропаганды. не имеет ничего общего с философским диалогом и научным анализом. Чтобы выйти из этого затруднения, чтобы спорить, плодотворно, и даже чтобы понимать друг друга, надо найти. какой-то общий принцип, какой-то общий исходный пункт.

Существует ли такой общий принцип, соединяющий марксизм с подлинной философией и наукой? Да, он существует: это принцип всякого диалога, следовательно, всякой науки и философии: диалектический принцип. Ведь наука и философия есть непрерывный диалог ученых и философов, противоречащих друг другу и разрешающих эти противоречия. Но не только знание, но и все бытие развертывается как непрерывная дифференциация и интеграция, как. единство разнообразного, как постоянное обострение противоречий и конфликтов и их разрешение.

Признание этого принципа нисколько не делает нас, конечно, ни марксистами, ни даже гегелианцами. Вся античная философия от Сократа, Платона, Аристотеля и Плотина покоится на диалектическом принципе единства противоположностей. Это они создали самое слово «философия» и «диалектика» и показали, что философия есть диалектика, анализ и синтез, сопоставление и противопоставление, искание последнего единства всех противоположностей, всеобъемлющего синтеза.

Ленин дает отличную формулировку диалектического принципа: единство противоположностей, — говорит он, — составляет истинное ядро диалектики. Совершенно верно.

«Вещь, явление есть сумма и единство противоположностей» (Ленинск, сборник IX, стр. 275). «Мыслящий разум (ум) заостряет притупившиеся различие различного, простое разнообразие представлений до существенного различия, до противоположности» (там же, IX, стр. 133). Закон единства противоположностей есть «признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих протявоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)» (там же, XII, стр. 323).

Всякая вещь развивает в себе спонтанно внутреннее противоречие, и оно составляет движущий нерв, источник ее «развития». Внутренняя противоречивость всего существующего, единство и борьба взаимопроникающих и взаимоисключ,ающих противоположностей составляет истсточник превращения, изменения, развития в движении мирового процесса. В этом развитии мы наблюдаем качественные изменения в виде скачков в результате накопления постепенных количественных изменений. Развитие не есть вечное повторение циклов, оно есть «поступательное движение, движение по восходящей линии»

«переход от низшего к высшему» (там же, IX и XII).^{*} Одним словом, развитие есть прогресс (по Гегелю история есть «прогресс в сознании свободы»).

Читая все эти формулировки, например, по «генеральному» учебнику Митина для вузов (стр. 142—148), мы не только не испытываем никакой «буржуазной злобы и ужаса»,^{*1} но напротив удивляемся, как много здесь верного и точно выраженного. Удивление однако исчезает, когда мы узнаем во всем этом традиционные и привычные формулировки Гегеля, соединяющие нас с античной диалектикой. Все, что здесь философского и диалектического, — крохи с гегелева стола, сохраненные эпигонами. Однако все же это лишь жалкие остатки: богатое содержание подлинной диалектики недоступно материалистам. Мы покажем это на одной диалектической проблеме.

Каким образом внутренняя противоречивость всего сущего может быть источником развития? Каким образом из противоречия и конфликта вытекает переход, «скачок» к высшим, более совершенным формам бытия? Не есть ли внутреннее противоречие скорее признак несовершенства, источник разрушения и гибели? (так, напр., внутреннее противоречие, дисгармония в функциях организма есть болезнь, которая при дальнейшем «развитии» приводит к смерти). Противоречащие противоположности исключают друг друга, и если они окончательно вытеснят и исключат друг друга, то остается л о л н о е небытие, а вовсе не обогащение бытия.

---

^{*} См. также Сталин «О диалектической и историческом материализме», с. 5—6. В дальнейшем сокращенно: «Диамат».

2. Лук и лира Гераклита

Чтобы бытие существовало, необходим, следовательно, другой принцип, кроме противоречия, кроме борьбы. «Война есть отец всех вещей» — говорит Гераклит, — но этот отец пожирает своих детей, как Хронос. Марксисты, любящие ссылаться на Гераклита, не заметили, что у него существует другой принцип как мать всех вещей, и это — гармония, согласие, мир, принцип, без которого ничто не родится и ничто не пребывает. Но этот принцип не пользуется у них никакой симпатией и потому замалчивается, он не нужен для классовой борьбы и развития ненависти, он ведет к миру и любви.

Противоречие разрешается, на противоречии нельзя остановиться, противоречие само по себе невыносимо, — это повторяет Гегель, но что означает «разрешение» противоречия, — это остается у него в тени^{*2}.

Гегель разрешает практически много противоречий, но принцип разрешения противоречий нигде точно не формулируется. И однако разрешение антиномий составляет сущности диалектики.

Неудивительно, что марксисты не заметили принципа разрешения у Гераклита, но что Гегель его не заметил, что Лассаль, написавший двухтомную книгу о Гераклиге, его не понял, — вот это удивительно. При всей своей симпатии к

Гераклиту, при всей своей любви к античным символам и аллегориям (например, «сова Минервы»), Гегель не заметил грандиозного символа лука и лиры, в котором Гераклит показывает, как «из противоположностей рождается прекраснейшая гармония».

Ибо она рождается только из противоположного, не из тождественного, не из унисона. Она есть нечто новое, раньше не бывшее, удивительным образом возникающее там, где раньше было противоборство, взаимоотрицание и вытеснение.

«Мы не понимаем, как противоборствующее согласуется с самим собой: это многообразная гармония, подобно луку и лире» (Гераклит).

Поразительное богатство мысли сконцентрировано в этом символе; оно не сразу разгадывается. Лук есть система противоборствующих сил, и чем сильнее напряжение отталкивающих полюсов, тем лучше лук. Уменьшить или уничтожить сопротивление обоих концов лука — значит уничтожить самый инструмент. Но тетива лука может превратиться в струну лиры. Лира построена на том же принципе, как и лук: она есть многострунный лук (как и всякий струнный инструмент), преображенный или «сублимированный» лук. Здесь мы можем наглядно созерцать и даже слышать, как из противоборства возникает прекраснейшая гармония».

Принцип лука применяется во всяком строительстве, и прежде всего в архитектуре: она стоит на продиивающих сил, на контрафорсах, и «арка» означает «лук» «. . .». На то же самом принципе гармонии противоборствующих сил построена и вся техника, а в сущности весь космос: и солнечная система и атом.

«Многозвучна и многообразна, согласно Гераклиту, гармония космоса, как гармония лиры и лука» (Плутарх). Лук и лира в своем принципе «тождественны» и все же противоположны, как жизнь и смерть*3, ибо лук несет смерть, а лира радость жизни.

Интересно то дополнение, которое Платон делает к знаменитому афоризму Гераклита («Пир» 187 abc): «Гераклит выразился здесь ошибочно, хотя он имеет в виду нечто верное. Несовместимое и противоречивое не может быть соединено в гармонию, поскольку и пока оно остается несогласуемым. Особое искусство (как, например музыка или медицина) должно придти на помощь, чтобы враждебно-несовместимое превратить в любовно-согласуемое и установить гармонию». Этим Платон удерживает в неприкосновенности закон противоречия: ибо если противоречие не переживается как противоречие (во всей его невыносимости), то разрешение и гармония теряют смысл и ценность.

3. Война и мир

Борьба классов как противоречие интересов, поскольку ипока она углубляется и развивается, может привести к «общей гибели борющихся классов» (слова Маркса). Такова судьба противоречия, пока оно остается противоречивым. Чтобы избежать этого результата, необходимо «особое искусство», новый акт разрешения

противоречия, «скачок» из борьбы противоположностей в гармонию противоположностей, иначе говоря: переустройство всего общественного здания. Но всякое переустройство есть «строй», синтез, гармония, являющаяся на место неустройства, дисгармонии. Таков неизбежный вывод из следующих слов «Коммунистического манифеста»:

«Противоположные классы ведут борьбу, *всегда кончающуюся* революционным *переустройством* всего общественного здания *или общей гибелью* борющихся классов».

И еще один важный вывод вытекает из этих слов: борьба всегда кончается; она не есть вечный и абсолютный принцип бытия, ибо если бы она вечно продолжалась и одна существовала, то противоположности пожрали бы друг друга и все погрузилось бы в небытие*4

Конец и конечная цель (телос) борьбы есть *мир и гармония*. Без этого борьба бессмысленна и гибельна. Конечная цель и смысл противоречия есть разрешение противоречия; без этого противоречие есть бессмыслица («бессмыслица» есть пребывание в непрерывном противоречии). Борьба существует ради мира, ноне мир ради борьбы. На этом важнейшем диалектическом принципе покоится не более и не менее как вся античная и христианская этика, этика гармонии, мира и любви»*5.

Не мудрено, что к этому принципу мира и гармонии диамат питает мало симпатии*6 Он предпочитает замалчивать его. Тем не менее это фундаментальный диалектический принцип и мы можем диалектически принудить к его принятию. Признать диалектику значит иногда признать ее на свою голову.

Цитируя собственные слова противника, мы вправе однако говорить о принуждении в том случае, если его высказывание взято из иного, ему враждебного мирозерцания и если оно подтверждает нашу, ему враждебную, точку зрения. Нет большей диалектической победы, как такое вынужденное признание, подтвержденное цитатой. В этом смысле мы часто говорим: «Маркс вынужден признать»... «Ленин вынужден признать»...

Так Маркс, несмотря на свое отвращение ко всякому «мирному» решению, несмотря на свое презрение к христианской морали мира и к античной идее справедливости, принужден в конце концов признать, что смысл и телос всей борьбы есть мир и гармония: «уничтожится антагонизм классов, падут враждебные отношения наций». . . вместо классовой борьбы воцарится социальная гармония противоположностей: «всех и каждого». Так говорит «Коммунистический манифест».

Но, может быть, диамат, опасаясь такого диалектического удара, попытается отодвинуть все это в бесконечность утверждая, что весь бесконечный путь до этой бесконечно далекой цели состоит из одной бесконечной борьбы и ненависти? (Иначе говоря, что бесконечная ненависть ведет в царство бесконечной любви и бесконечное нагромождение противоречий создает гармонию)?

Однако, мы уже указывали, то развитие и углубление одного только внутреннего противоречия приводит всякую вещь к гибели и разрушению. Все живое погибает в силу внутреннего и внешнего противоречия (капитализм погибает в силу внутреннего противоречия — это общее место марксизма). И если что-то вообще существует, то только потому, что существует другой принцип бытия, другое соотношение противоположностей, кроме соотношения антагонизма и взаимного исключения. Если бы противоположности только «пожирали» друг друга, то они за бесконечностью времени давно пожрали бы друг друга. Бытие всех существ доказывает, что противоположности не только «пожирают», но и «питают» друг друга (выражение Аристотеля), причем это «питание» должно необходимо перевешивать «пожирание».

Всякая вещь, всякое существо есть система гармонически связанных противоположностей, — будь то атом, солнечная система, организм, общество. Греческое слово «система» сразу выражает этот диалектический принцип, ибо «система» означает то, что «сополагаемо», то что «стоит вместе» в противоположность тому, что несовместимо.

Таким образом, диалектика имеет два принципа: война и мир, антагонизм и гармония, взаимопожирание и взаимопитание противоположностей. При этом второй принцип — мира и гармонии — перевешивает, он дает всему смысл, ценность и бытие: война существует ради мира, а не мир ради войны; мир может обойтись и без войны, но война не может обойтись без мира.

Принцип мира перевешивает, но это не значит, что он абсолютно доминирует: мир (согласие) постоянно нарушается и восстанавливается, противоречие всегда присутствует (в этом Гегель прав).

Космос не есть неподвижная гармония, раз навсегда найденный аккорд; он есть развивающаяся симфония с возникающими диссонансами и разрешениями. В этом историзм Гегеля сохраняет свое значение.

Все сказанное дает нам возможность сделать важный вывод, касающийся марксистского понимания истории. «Вся история есть история борьбы классов» — этот тезис имеет смысл, но он становится ложным, если его абсолютизировать и оторвать от противоположного утверждения. С совершенно таким же, и даже с большим правом можно сказать: «вся история есть история сотрудничества и солидарности классов».

При этом антитезис «сотрудничества» т. е. гармонического взаимодействия, перевешивает, ибо иначе история давно бы кончилась «общей гибелью борющихся классов» по выражению Маркса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «В своей рациональной форме, — писал Маркс, — диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас». (Капитал, т. I, изд. 8-е, 1936 г. С. XXII).

2. В этом — основной недостаток Гегеля. Он проистекает от его страсти всюду отыскивать противоречия, играть противоречиями; далее от его пренебрежения к «закону противоречия» (величайшее недоразумение, не обосновывающее, а уничтожающее всякую диалектику, как это показали Платон и Аристотель), и от его двусмысленного термина «тождество противоположностей», сразу как будто бы решающего все противоречия.

3. «Имя лука есть жизнь, а его дело есть смерть», — говорит Гераклит, пользуясь тем, что «биос» означает и «лук» и «жизнь».

4. Напротив, у Ленина именно борьба, противоречие провозглашаются непреходящим и абсолютным принципом: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей — абсолютна...». (Ленин. Сборник XII. С. 324).

5. Для Платона справедливость есть социальная гармония. Для ап. Павла Христос есть мир, уничтожающий вражду и примиряющий противоположности. (Еф. 11, 13—32, ср. Ио. XIV, 27).

6. Диамат предпочитает настаивать на том, что в процессе развития нет места гармонии, ибо оно есть развертывание противоречий и борьба, («Диамат». С. 7).

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

